

Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Татьяны Владимировны Станюкович

Конференция в честь 100-летия со дня рождения Т.В. Станюкович, которой посвящен обзор, убедила в проницаемости границ между «традиционной» этнографией и «современной» социальной антропологией, советской и постсоветской, российской и международной наукой, несмотря на все различия методологических оснований, аналитического уровня докладов и очевидную силу инерционного процесса. Научное мероприятие показало, что актуальные проблемы изучения материальной культуры в отечественной этнографии (антропологии), как и в мировой науке, ассоциированы с процессами включения новых вещей в традицию, «изобретения традиций», конструирования групповой идентичности, коммерциализации предметных этнических символов и влияния на эти процессы политико-экономических факторов. Вместе с тем в структуре конференции и содержании докладов сильнее проявилась установка на преемственность, чем на дискуссионность. Это соответствовало главной функции мероприятия — отдать долг памяти и уважения конкретной личности.

Ключевые слова: Т.В. Станюкович, мемориальная конференция, материальная культура, советская и постсоветская этнография.

Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Татьяны Владимировны Станюкович (1916–1992) — выдающегося этнографа, автора известных трудов по истории Кунсткамеры, этнографическому музееведению, специалиста по материальной культуре восточнославянских народов, состоялась 26–27 сентября 2016 г. в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.

Конференции, которые проводятся в память об ученом, представляют определенный тип научных мероприятий. У них есть свои функциональные, структурные и содержательные особенности, выраженные в разной степени в зависимости от того, является конференция (семинар, чтения и т.д.) периодической или ситуативной — связанной с годовщиной рождения или смерти. В последнем случае, как правило, значительное место занимает мемориальная часть: воспоминания коллег, учеников, близких.

Как представляется, у таких мероприятий две основные функции. Во-первых, они призваны отдать долг памяти и продемонстрировать уважение к конкретной личности — в полном согласии с корпоративной этикой и поминальной традицией. Во-вторых, мемориальные конференции законо-

Ирина Алексеевна Разумова
Центр гуманитарных проблем
Баренц региона Кольского
научного центра РАН,
Апатиты
irinazarumova@yandex.ru

мерно обращаются к тематике и проблемам, которые находились в фокусе интересов исследователя, и в этом отношении у них весьма сложные задачи. С одной стороны, чрезвычайно значима установка на преемственность, которая определяет предметную область, круг обсуждаемых вопросов и методов исследования с акцентом на неоспоримых достижениях. С другой стороны, неизбежно действуют факторы времени, социального контекста, динамики науки, под влиянием которых труды ученого и целых направлений подлежат ревизии, включая те же достижения, постановку вопросов и методы. В силу разновекторности функций подобные мероприятия одновременно предполагают как исключительную дискуссионность, так и исключительную лояльность по отношению к «другой» (хотя бы с точки зрения времени) науке, которая имеет статус «наследия». Конференция памяти Т.В. Станюкович достаточно показательна в отношении отмеченных противоречий.

На участие в конференции было подано 67 заявок, очно участвовали в ней 57 представителей отечественных и зарубежных исследовательских и музейных центров, вузов: МАЭ РАН, ИЭА РАН, Российского этнографического музея, Института лингвистических исследований РАН, ИРЛИ РАН, гуманитарных подразделений и академических музеев Карельского, Кольского, Коми, Южного научных центров РАН, Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, Института социальной антропологии им. Макса Планка (Халле), Университета Хельсинки, Института истории СПбГУ, ЕУСПБ, РГГУ, МГУ, Российского института истории искусств, Сыктывкарского государственного университета, Ульяновского государственного педагогического университета, Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова (Анадырь), Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Алтайского государственного краеведческого музея, Государственного республиканского центра русского фольклора, Национального исследовательского технологического университета МИСИС (Москва), Пушкинского заповедника (Псковская обл.), Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана (Москва) и других. За долгие годы Татьяна Владимировна воспитала немало учеников, которые работают в разных научных и музейных учреждениях страны, и часть из них отдали дань памяти своему руководителю участием в мероприятии.

С 1948 г. жизнь и деятельность Т.В. Станюкович были связаны с МАЭ РАН. Она формировала музейные экспозиции и выставки начиная с первой экспозиции музея Ломоносова. Этой странице ее профессиональной биографии был посвящен доклад М.Ф. Хартанович. О работе Т.В. Станюкович по созданию

экспозиции традиционной культуры народов материковой Юго-Восточной Азии шла речь в докладе Е.В. Ивановой. С течением времени Татьяна Владимировна стала одним из признанных историков Кунсткамеры. Именно историко-музееведческое (безусловно, главное) направление ее работы известно лучше всего, но преимущественно отечественным этнографам. История российской и советской антропологии «долгое время казалась своеобразным островом в океане антропологий», тем более «дискуссии и концепции советских коллег для большинства оставались малоизвестными» [Арзютов б.д.]. Для европейских исследователей, в том числе Х. Фермойлена, автора монографии о становлении антропологии в Европе [Vermeulen 2015], стали недавним открытием существование книги Т.В. Станюкович «Этнографическая наука и музеи» (1978) и тот факт, что значительный пласт архивных материалов о европейских ученых (Г.Ф. Миллере, Д.Г. Мессершмидте) был знаком автору и введен в науку несколько десятилетий тому назад¹.

На конференции Х. Фермойлен прочитал пространственный доклад “The Genesis of Ethnography in Eighteenth-Century Russia: The Kunstkamera and Tatyana V. Stanyukovich”, в котором акцентировал внимание на вкладе Т.В. Станюкович в историографию европейской антропологии. Следует закономерный вывод о том, что целый ряд работ советских этнографов нуждается в переводе и обеспечении международного доступа к ним. Дело не только в установлении заслуженных приоритетов в разработке определенных тем, хотя и это существенно. Очевидна тенденция к отказу от стереотипа «советской этнографии», от стигматизации российской науки известного периода со всей ее политической ангажированностью и ограниченностью, от ее радикального отторжения (с позиций «современной» и «мировой» антропологии) в пользу объективного анализа и «понимания», что предполагает учет исторических обстоятельств и совокупности субъективных факторов, в том числе личностных. Мемориальные конференции в высшей степени способствуют этому.

Работы Т.В. Станюкович вполне соответствуют идеологическим и научным доктринам советского времени. Вместе с тем можно вспомнить, что историю Кунсткамеры в связи с историей Академии наук она начала изучать в конце 1940-х — начале 1950-х гг., в послевоенный период и в разгар борьбы с «космополитизмом», а эту тему невозможно было рассматривать без учета вклада немецких ученых в развитие российской науки.

¹ За эту информацию я благодарна М.В. Станюкович.

Под разным углом зрения можно читать и статьи Т.В. Станюкович о материальной культуре, переселенцах, картографировании.

Жаль, что они сейчас выпадают из поля зрения молодых ученых, которые успешно работают в рамках современных методологий, знают языки, новейшую европейскую и американскую литературу и не интересуются научными текстами «тяжелого прошлого», вынося их за рамки науки. Между тем чтение этих текстов способно развить навыки критического анализа и неоднозначной интерпретации. А простую мысль о том, что одна, казалось бы, забытая статья может неожиданно оказать помощь в исследовании, подтвердила в своем выступлении Е.В. Ревуненкова.

История Кунсткамеры в работах Т.В. Станюкович стала темой доклада Н.П. Копаневой. На основе документов архива РАН были показаны предыстория создания известного труда, связанная со сменой идеологических ориентиров в 1948–1949 гг., и его последующее обсуждение, которое выявило несовпадение точек зрения автора и рецензентов по ряду вопросов. Диалоги с рецензентами при всей их формализации являются ценным источником по истории науки.

Далеко не все коллеги, работавшие вместе с Т.В. Станюкович, знают, что до середины 1960-х гг. она была активным полевым этнографом. Полезным и информативным был доклад Л.С. Лаврентьевой «Экспедиции Т.В. Станюкович». Начав с изучения восточнославянского населения азиатской части страны, Татьяна Владимировна проводила полевые исследования в Таджикистане, Казахстане, Киргизии, участвовала в экспедициях в Татарскую АССР, Кировскую, Молотовскую (Пермскую), Свердловскую области. Те, кто знаком с ее полевыми сборами, свидетельствуют, что в них, помимо прочего, сохраняются данные о мифологии и верованиях разных народов. Такого рода материал относится к темам, которые «не приветствовались» в советское время и в том числе по этой причине могли не получить развития в трудах собирателя. Включение в работу конференции секции о полевых исследованиях было правомерным. В частности, выступая на этой секции, М.В. Станюкович рассказала, как Татьяна Владимировна увлеченно занималась этноботаникой и народной медициной, собирала материал в поле, что впоследствии очень помогло ее аспирантам и другим этнографам, которые выбирали данные исследовательские области.

Самые яркие впечатления от конференции связаны с выступлениями-воспоминаниями. Им были посвящены отчасти первое и полностью итоговое пленарные заседания. Тон был

задан докладом М.В. Станюкович «Семья и судьба Татьяны Владимировны Станюкович». Его фактологическую основу и биографические сюжеты в полной мере могли бы оценить историки и социологи, занимающиеся драматическими судьбами российской интеллигенции в XX в., историей семей и династий. Тема была продолжена на заседании «Воспоминания о Т.В. Станюкович», прежде всего в содержательных и эмоциональных выступлениях Е.В. Ревуненковой — о личности Татьяны Владимировны, коллегиальных отношениях с ней, и М.В. Воеводской, судьба семьи которой тесно переплелась с биографической историей Станюковичей.

О том, каким научным руководителем была Т.В. Станюкович, поделился воспоминаниями К.К. Логинов. Эффектным завершением мемориальной части и всей конференции стало представление фильма А.Е. Финченко «Музей вепсской культуры и быта “Вепсская изба” (“Vepsoiden Pert”) имени Т.В. Станюкович».

Секционная часть мероприятия распределилась по темам: «Полевые исследования», «Переселенцы и мигранты», «Символика и бытование материальной культуры в традиционном быту и в современности» и «Типология и картографирование» (обе формулировки не совсем удачны), «Этнографические музеи: история и современные проблемы», «Историография Кунсткамеры как первого российского общедоступного музея: Музей М.В. Ломоносова как музей истории науки». Таким образом, была выдержана общая модель, сориентированная на основные направления деятельности и научную биографию Т.В. Станюкович.

Определяя общий профиль конференции, можно сказать, что это была презентация музейной и описательной этнографии высокого профессионального уровня. В полной мере проявился информационно-познавательный потенциал заявленной тематики, особенно истории и современного состояния музейного дела, а также материально-предметных аспектов этнографической реальности различных общностей, среди которых группы восточнославянского населения, финны, саами, коми, немцы Поволжья, балкарцы и многие другие. Географический охват был широким: северные, юго-западные и центральные области европейской части России, Кавказ, Сибирь, Чукотка, Иран, страны Юго-Восточной Азии. Остается сожалеть, что среди слушателей почти не было учащейся молодежи, за исключением нескольких докладчиков — студентов и аспирантов.

История этнографических музеев стала лейтмотивной темой конференции. Естественным было обращение к страницам истории Кунсткамеры, связанным с ролью анатомических

коллекций (доклад М.В. Хартанович и А.Б. Радзюн), с экспедициями XVIII в. (доклады А.К. Салмина, С.В. Березницкого). Большая же часть докладов была посвящена истории этнографических музеев в XX в. В двух случаях речь шла о деятельности зарубежных музеев: Правительственного музея в Мадрасе в 1910–1920-е гг. (доклад Е.С. Соболевой) и зороастрийских музеев Ирана (доклад В.Ю. Крюковой). Остальные темы так или иначе касались истории отечественного этнографического музееведения и современных проблем российских музеев.

Объединенными в своей проблематике оказались доклады В.Г. Ананьева «“Побольше уважения к культурным традициям!”: Этнографические музеи в эпоху революций» и Е.В. Аброськиной «Российский этнографический музей в фокусе музеев-логических исследований 50–80-х гг. XX в.». По существу, оба доклада были посвящены проблеме соотношения и взаимовлияния «властной» и «экспертной» этнографических концепций в советский период, но на разных его этапах. Рассмотренная с различных точек зрения, проблема представляется очень перспективной для исследования, хотя сами авторы явно не предполагали ее формулирование и осмысление в рамках социологических или антропологических теорий.

В первом случае была поставлена под сомнение неизбежность «разрыва» научной и культурной традиции под влиянием социальных катаклизмов. Основанием послужил анализ материалов нескольких совещаний, на которых обсуждались планы преобразования этнографических музеев Москвы и Петрограда в непосредственно предшествующий революции 1917 г. и последовавший за ней период. По мнению докладчика, существовала определенная преемственность между до- и после-революционной музееведческой мыслью.

Во втором докладе на примере деятельности Государственного музея этнографии народов СССР в послевоенные десятилетия фактически проясняется вопрос о возможностях и препятствиях адаптации научного музейного сообщества к предлагаемым условиям политико-идеологического вмешательства в профессиональную сферу, выявляются противоречия в музейной работе в указанный период.

По содержанию докладов можно заключить, что из широкого круга проблем современных музеев основными являются экономические, статусные и концептуальные. Особенно явственными они становятся, когда речь идет о «периферийных» музеях: расположенных в сельской местности и небольших городах, имеющих ведомственную принадлежность и т.п. Прагматические аспекты существования музеев ранее почти не интересовали отечественных этнографов, будучи передоверены социо-

логам в силу известных жестких междисциплинарных барьеров. Ситуация явно меняется. Судя по конференции, больше всего «повезло» в этом отношении музеям самых северных российских областей. Классификация музеев по типу собственности, экономические и административные проблемы существования сельских музеев, от которых часто зависит жизнеобеспечение местного населения, были хорошо представлены в докладе О.В. Кузнецовой «Деревенские музеи Пинежского района Архангельской области».

Другие социальные ракурсы: взгляд населения и самих профессионалов на музейные артефакты, их интерпретации, смыслы «знаковых» экспонатов для местного сообщества, практики обращения с ними, — стали предметом рассмотрения в докладе О.В. Змеевой и О.В. Шабалиной «“Совершенно светский колокол...”: к истории одного музейного экспоната» (находящегося в академическом музее г. Апатиты Мурманской области).

Во многом удачная (и побуждающая к дискуссии своими интерпретациями) попытка сконструировать концепцию музея с двойственной функцией и проследить ее изменения в соответствии с общественными трансформациями была принята в докладе Ю.И. Ковыршиной «Музей эпохи перемен: концептуализация истории рыбопромышленной отрасли в коллекции Мурманского государственного технического университета». Можно согласиться, что прогноз у таких музеев, даже обладающих огромными и ценными фондами, неблагоприятный, и подтверждений тому немало. К сожалению, в докладе не разграничивались понятия «коллекция» и «экспозиция», и не всегда было ясно, о чем речь, а ведь именно сопоставление фондового материала с экспонируемым предоставляет большие возможности для понимания концепции музея.

Тематика докладов, посвященных символике и функционированию элементов материальной среды, в большей части концентрировалась на нескольких ключевых областях. Из пищи исключительное предпочтение было отдано хлебу, включая вариации обрядовой и бытовой выпечки в одном селе русско-украинского пограничья (доклад В.Е. Добровольской), «экстремальные» технологии приготовления в периоды голода на севере (доклад К.К. Логинова) и очень четкую типологию действий с хлебом в свадебной обрядности Ульяновской области (доклад М.Г. Матлина). К приоритетам также можно отнести деревянные постройки: от традиций внешнего оформления и украшений деревянного дома в Павловском Посаде в конце XIX–XX вв. (доклад О.Б. Балашовой) и организации деревенского жилища Русского Севера во второй половине XX в.

(доклад А.В. Степанова) до современного храмостроения в промышленных заполярных городах (доклад А.С. Давыдовой). Наконец, неизменной популярностью пользуются у исследователей текстильные изделия, том числе в их музейной жизни (доклады В. и А. Сурво, Н.И. Ковалевой, Н.О. Крестовской).

Обсуждение выступлений в большинстве случаев сводилось к уточняющим и информационным вопросам и дополнениям, дискуссия отсутствовала. Существенных методологических открытий не было, доклады различались по степени детальности описаний, яркости презентуемого материала и корректности применения апробированных методов — функционального и семиотического. В частности, тонкий анализ символического языка вещей, их многообразных культурных связей в непальской культуре продемонстрировала М.Ф. Альбедиль на примере технологии изготовления, декорирования утвари, обращения с отдельными предметами и т.д.

Теоретические построения и методология явно уступали место описаниям и конкретным интерпретациям, но можно определить некоторые акценты, касающиеся постановки проблем. Прежде всего, проблематизируется само понятие этнографического предмета как «национальной вещи», связанной с конструированием идентичности. А. и В. Сурво показали процессы актуализации «западных» и «восточных» (карельских) текстильных символов финляндской культуры под влиянием политических и культурных факторов на протяжении XIX—XX вв. О.А. Сулейманова рассмотрела традиционные предметы, которые сохраняются или воспроизводятся кольскими саамами в городском быту. Они именуются «национальными», по существу являются «брендовыми» и далеко не всегда служат коммерческим целям.

С жизнью традиционных вещей в коммерциализированной культуре связан особый круг проблем. В частности, А.А. Ярзуткина проанализировала двусторонний процесс включения отдельных промышленных товаров в культуру и хозяйство коренных народов и трансформации предметов традиционной культуры в товары по мере развития торговых отношений на Чукотке в начале XX в.

В целом конференция не опровергла тот факт, что актуальная проблематика изучения материальной культуры в отечественной этнографии (антропологии), как и в мировой науке, ассоциирована с процессами органического включения новых вещей в традицию и «изобретения традиций», конструирования групповой идентичности, коммерциализации предметных этнических символов и влияния на эти процессы политико-экономических факторов.

Дискуссии были на заседаниях секций, которые в силу немногочисленности докладов, казалось бы, не определяли лицо конференции. По вопросам картографирования явлений духовной культуры незыблемы позиции московской этнолингвистической школы, о чем свидетельствовал «академически» фундированный доклад Е.Е. Левкиевской о реконструкции полесской мифологической системы. Вопросы методологического характера возникли в связи с обсуждением «Этноконфессионального атласа Ленинградской области», о работе над которым рассказал А.И. Терюков. Составление подобных атласов сопряжено с трудностями, которые вызваны постоянной динамикой систем координат: изменениями административного районирования и подвижностью границ культурных ареалов вследствие активных миграций.

Обсуждение достигло уровня полемики, а скорее критики, после доклада В.Э. Шарапова и И.В. Земцовой «Об этнографическом атласе “Народное изобразительное искусство коми”». Во-первых, одной из задач, которую решали составители, было выявление традиционных элементов изобразительной системы коми, «освобожденных» от иноэтнических напластований. Во-вторых, проект включал работу как с народными мастерами, так и с профессионалами и студентами, обучающимися по специальностям народного художественного творчества, при этом существенные различия между природой их умений и знаний не учитывались. Устойчивость обыденных стереотипов в среде изучающих и одновременно «изобретающих» и «практикующих» традиционную культуру — явление известное. Материалы постоянных обсуждений «вопросов актуализации народной культуры» на российских этнографических и фольклористических научных форумах — перспективный предмет антропологического исследования.

Еще одно (скорее критическое, чем дискуссионное) обсуждение последовало за докладом К.А. Плясунковой «Проблемы адаптации немцев Поволжья в условиях спецпоселения», сделанном на секции «Переселенцы и мигранты». Реакция заинтересованной аудитории была, быть может, даже слишком бурной, если учесть студенческий статус докладчицы, которая представила собранный ею обширный и уникальный полевой материал. Кроме того, к углубленному изучению спецпоселенцев как социально-исторической общности российские историки, не говоря об этнографах, обратились относительно недавно. Критику вызвал общий подход, в соответствии с которым проблемы адаптации группы рассматривались как этнически специфические, без обращения к общеполитической ситуации в стране целом и репрессиям по этническим основаниям в частности. Безусловно, любая абсолютизация,

будь то утверждение исключительности или единства «судьбы» репрессированных общностей, методологически не оправдана, а идеологически объяснима. Дискуссия в принципе была конструктивной в силу разнообразия аргументирующих примеров и высказанных идей, на основе которых можно изучать возможности и границы вариативности процесса адаптации спецпоселенческих групп.

Примером достижения цели путем четкого применения определенной методологии и методики является исследование старообрядцев Северо-Западного Причерноморья, выполненное на основе сопоставления данных по этноконфессиональным с этимологическими версиями и представлениями старообрядцев региона о границах групп. Его результаты содержал доклад Н.С. Душакловой, сопровождавшийся демонстрацией мультимедийной базы данных по наименованиям старообрядцев региона. Вероятно, использование такой комплексной методики, включающей «строгие» методы, могло бы способствовать дальнейшему прояснению вопросов классификации и самоидентификации различных общностей, например восточнославянских мигрантов Подонья и Приазовья. В докладе Т.Ю. Власкиной на эту тему аргументировалась идея, что состав групп с великорусским или малороссийским доминированием значительно более сложен, чем принятое разделение южнороссийского населения на «казацье» и «не казацье».

В целом конференция убедила в проницаемости границ и «наведении мостов» между «традиционной» этнографией и «современной» социальной антропологией, советской и постсоветской, российской и международной наукой — при всех различиях парадигмальных оснований, аналитического и содержательного уровней докладов и очевидной силе инерционного процесса. Если, используя количественный показатель, заключить, что установка на преемственность проявилась сильнее установки на дискуссионность, это будет означать, что свою основную функцию сохранения памяти о замечательном человеке и ученом Татьяне Владимировне Станюкович мероприятие выполнило достойно.

Библиография

Арзютов Д. 5 книг по истории советской этнографии. <<https://postnauka.ru/books/51584#!>>.

Vermeulen H.F. Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2015. 746 p.

Ирина Разумова

Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Tatiana Vladimirovna Stanyukovich's Birthday

Irina Razumova

Centre of Humanitarian Problems, Barents Region, Kola Peninsula Scientific
Centre of the Russian Academy of Sciences
Academgorodok, 40a, Apatity, Russia
irinarazumova@yandex.ru

Tatiana Vladimirovna Stanyukovich (1916–1992) was a prominent ethnographer, author of famous works on the history of the Kunstkamera Museum, the Ethnographic Museum, and an expert on material culture of East Slavic peoples. Overall, the conference was convinced of the permeability of the boundaries between “traditional” ethnography and “modern” social anthropology, Soviet and post-Soviet, Russian and international science, despite all the differences of the methodological basis, analytical level of the presentations and the obvious force of the inertial process. The scientific event has demonstrated that current issues in the study of material culture in domestic ethnography (anthropology), as well as in the world of science, associated with the processes of incorporating new things in the tradition, “the invention of tradition,” construction of group identity, the commercialisation of the subject of ethnic symbols and influence on these processes of political and economic factors. However, in the structure of the conference as well as in the content of the reports, the installation on continuity was manifested stronger than the setup on the discussion. This was in line with the main function of the event to pay tribute and respect to the particular scientist and personality.

Keywords: T. V. Stanyukovich, memorial conference, material culture, Soviet and post-Soviet ethnography.

References

- Arzyutov D., ‘5 knig po istorii sovetsoy etnografii’ [Five Books on the History of Soviet Ethnography]. <<https://postnauka.ru/books/51584#!>>.
- Vermeulen H. F., *Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 2015, 746 pp.